

ДОКЛАД-ПРЕЗЕНТАЦИЯ:

А. Подберёзкин

«ГЛОБАЛЬНЫЙ РЕЖИМ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ: ВЫЗОВЫ И ОТВЕТЫ»

(Исламабад, 13-16 октября 2018 г).

Период развития военно-политической обстановки в мире (ВПО) 2018-2024 годов будет радикально отличаться не только от периода развития ВПО до 2014 года, но и самых последних лет: именно в эти годы эскалация политики «силового принуждения» в отношении России перейдет в качественно новую фазу прямого военно-силового противоборства, когда доля невоенных силовых средств и мер в политике западной коалиции сократится в пользу смешанных, военно-силовых, или «асимметричных»¹.

¹ См. подробнее: Подберёзкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке: аналитич. доклад. – М.: МГИМО-Университет, 2016. – 338 с.

Необходимо исходить из того, что в настоящее время и в будущем России будет противостоять широкая западная военно-политическая коалиция, включающая уже более 60 государств. Соответственно и в подготовке и выборе средств и мер противодействия их политике «новой публичной дипломатии» и укрепления стратегической стабильности со стороны России предстоит учитывать это негативное обстоятельство. Причём как в политико-дипломатической, так и других областях.

США и их союзники фактически начали с 2014 года процесс демонтажа или приспособления для своих интересов как традиционные переговоры и международные институты, так и весь набор традиционных политико-дипломатических средств – консультаций, переговоров, передачи информации.

Это хорошо видно на примере их отношений по трём крупным блокам проблем:

- Ограничению и сокращению вооружений и военной деятельности, где по всем основным направлениям наметился отказ США от сотрудничества и стремление пересмотреть имеющиеся договоренности с Россией и другими странами – прежде всего Ираном, КНДР и Китаем.
- Политике эскалации санкций, которая после 2014 года приобрела откровенно политико-силовой характер не только в отношении России, но и ряда других стран.
- Торгово-экономическим отношениям, которые фактически пересматриваются в одностороннем порядке со стороны США.

В этом, втором, случае, традиционная политико-дипломатическая деятельность России становится только **частью общей политики** развития стратегического сдерживания и усиления системного противоборства с западной коалицией посредством активизации силового противодействия. Естественно, что смена акцентов в российской политике потребует постепенного пересмотра внешнеполитической стратегии и, как следствие, изменения нормативно-правовых документов, организационных и иных мероприятий.

Следует признать, что трудности и даже возможное отсутствие перспективы достижения соглашений с западной военно-политической коалицией по тем или иным направлениям в 2018-2024 годы не должны означать отказа России от таких переговоров, а тем более российской инициативы в сокращении контактов или ограничении переговорных площадок. Свёртывание политико-дипломатической активности России – очевидно в интересах Запада, который попытается распространить попытки политико-силового давления на нашу страну за пределы членов своей коалиции на более широкий круг участников МО. В этих целях по-прежнему будут использоваться самые разные, в том числе откровенно провокационные, политико-дипломатические меры и санкции.

Тем не менее главным средством противодействия России в этих условиях остаётся выдержка и упорное, также демонстративное, сохранение любых каналов сотрудничества, даже тех, которые, как может справедливо казаться, себя дискредитировали. Граница, вместе с тем, должна быть.

Она находится на рубеже, когда происходит оскорбление государства или его лидера. Отсутствие такой границы и адекватной реакции с нашей стороны будет только поощрять вседозволенность в выборе средств и мер силового принуждения.

Можно ожидать с высокой степенью вероятности, что политико-дипломатическая деятельность России и ряда других стран будет постоянно сталкиваться с политикой США и этих союзников в ближайшие годы по следующим основным векторам:

- пересмотру в свою пользу существующих договоренностей по ограничению и сокращению вооружений и военной деятельности или отказу от них;
- слому существующих институтов безопасности (ООН, Совбез, ОБСЕ и др.), либо их реорганизация в интересах США, как, например, ЮНЕСКО или Международного уголовного суда;

Россия должна будет стремиться использовать все, даже самые незначительные, традиционные возможности для продвижения вперед в этой области в ближайшие годы, прежде всего в области укрепления стратегического сдерживания в ядерной области, в частности, по следующим основным направлениям (излагаемым в порядке приоритетности на сегодняшний день):

1. – Прекращение гонки вооружений и ограничения военной деятельности на имеющихся направлениях, включая предотвращение гонки вооружений в космосе (ПГВК).

Технологические достижения последних лет создали возможность перехода гонки вооружений на качественно новый, значительно более опасный уровень. Можно с высокой степенью вероятности ожидать, что ещё до 2025 года произойдут радикальные изменения в качестве ВВСТ, которые самым решительным образом повлияют на их эффективность после 2025 года.

Самыми очевидными направлениями таких «технологических прорывов» ожидаются изменения в ВВСТ в следующих технологических областях:

- Массового появления в армиях разных государств высокоточного оружия (ВТО) разных типов базирования и самого различного предназначения;
- Создание и внедрение гиперзвукового оружия различной дальности;
- Развёртывание ядерного и обычного оружия в космосе и в околоземном пространстве;
- Массовое производство и внедрение робототехники, включая БЛА, бронетанковых и инженерных видов ВВСТ;
- Создание новых типов ЯО, включая миниатюрных боеприпасов;
- Развёртывание качественно новых систем боевого управления, связи и разведки;
- Развертывание широкомасштабной системы ПРО США и их союзниками в разных регионах мира.

Сказанное означает, что именно на этих направлениях следует предпринимать серьёзные усилия с тем, чтобы политико-дипломатическими средствами и мерами ограничить их развитие.

В этих направлениях удаётся, вероятно, в ближайшие годы сохранить ДРСМД и ДСНВ, хотя им угрожают достаточно актуальные вызовы со стороны США.

Кроме того, целесообразно попытаться инициировать переговоры по ограничению гонки вооружений на КР и в ООН, а также на любых иных площадках. В том числе следует попытаться активизировать процессы на имеющихся направлениях, в частности ПГВК.

2. – Укрепление значения Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) как одной из основы международной безопасности, стратегической стабильности и важнейшего элемента режима нераспространения ядерного оружия.

Этот договор включает три составляющие, которые необходимо укреплять:

- ядерное нераспространение,
- ядерное разоружение и
- мирное использование ядерной энергии.

Основой такой работы остаётся План действий, принятый в 2010 году, а процесс ядерного разоружения должен осуществляться в строгом соответствии со Статьёй VI ДНЯО в «контексте всеобщего и полного разоружения» и общего подхода – поэтапного и последовательного создания условий по сокращению ядерных арсеналов. Важно **соблюдение** двух условий: соблюдение всеми государствами своих обязательств, а также противодействие радикальным подходам к ядерному разоружению. В этом контексте следует признать опасность принятого 7 июля 2017 года Договора о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО), означающего не более чем формальный запрет, когда происходит подмена проблем международной безопасности «гуманитарными стандартами». Так, Статья 18 ДЗЯО вступает в противоречие со Статьей VI ДНЯО, закрепляя преобладание ДЗЯО над другими инструментами, ослабляя тем самым ДНЯО.

Россия способствует созданию зон, свободных от ядерного оружия (ЗСЯО), рассматривая этот процесс как инструмент ядерного разоружения. Она считает, что важную роль продолжают играть рекомендации Комиссии ООН по разоружению, принятые в 1999 году, в деле создания и оформления юридически ЗСЯО. Россия в 2011 году ратифицировала Протоколы 1 и 2 к Договору Пелиндаба и в апреле 2015 года – протокол к Семипалатинскому договору. Россия готова к подписанию Протокола к Бангкокскому договору. Эту позицию России необходимо всячески пропагандировать и продвигать в СМИ. На 2009 год безъядерными зонами были объявлены:

- Район Антарктики (Договор 1959 года);
- Латинская Америка (Договор Тлателолько 1967 года);
- Южная часть Тихого океана (Договор Раротонга 1985 года);
- Юго-Восточная Азия (Бангкокский договор 1995 года);
- Африка (Договор Пелиндаба 1996 года);
- Средняя Азия (Семипалатинский договор 2007 года);

Кроме того, Статус безъядерного государства имеют Монголия и Беларусь.

Позиция России, которую требуется продвигать в СМИ и общественном сознании:

1. Присоединение всей ядерной «пятерки» к протоколам о гарантиях остальных договоров по ДНЯО.
2. Разработка глобальной договорённости о гарантиях ядерной безопасности.

3. – Мораторий на производство расщепляющих материалов (РМ).

Целесообразно продолжить дальнейшие усилия России по ограничению распространения ЯО в области ограничения производства ядерных расщепляющихся материалов. Это направление объективно затрагивает интересы многих государств, в особенности когда РМ используются в мирных целях.

В этой области важно настойчиво продвигать тезис о том, что Россия **не возражает** против переговоров по договору о запрете производства расщепляющих материалов для создания ЯО (ДЗПРМ), однако считает, что:

- **во-первых**, переговоры должны идти на площадке КР в Женеве в рамках Программы работы и,
- **во-вторых**, на основе т.н. «мандата Шеннона», который предполагает вывод из сферы охвата уже наработанного РМ.

Таким образом, мы делаем акцент на нераспространенческом, а не на разоруженческом аспекте договора (Пакистан настаивает на зачете уже произведенного РМ).

Россия поддерживает работу ГПЭ ООН в 2014-2015 годах и принятие консенсусного доклада, полагая, что результаты могли бы стать основой для переговоров на КР в Женеве. Есть основания полагать, что работа ГПЭ может быть продолжена в будущем в целях анализа контроля над производством РМ.

Как известно, США пытаются продвинуть идею ДРМ (договор о РМ), втягивая Пакистан, предлагая сделать предметом переговоров отдельные типы наработанного РМ, что абсолютно не устраивает Россию и Китай, чей ядерный оружейный комплекс не позволяет разделить гражданскую и оружейную составляющие.

Важно не допустить, чтобы дискуссия перешла в область американской инициативы, а тем более позволить США фактически взять под контроль производство всех РМ.

4. – Укрепление стратегической стабильности в отношениях РФ и США.

Здесь необходимо констатировать, что ситуация ухудшается, а диалог ослабел и превратился в пустую формальность. В июне 2017 года была отложена встреча по этим вопросам между заместителями министров иностранных дел РФ и США, которая состоялась в сентябре 2017 года в Хельсинки. На этой встрече США попытались нас обвинить в «нарушении договора о РСМД (принятии на вооружении КР 9М729 в составе комплекса оперативно-тактического назначения «Искандер», превышающей по дальности 500 км) и принятии опасных доктринальных установок (т.н. концепции эскалации для деэскалации).

От апрельской встречи в Вене США уклонились, а переговоры В.Путина и Д.Трампа в Хельсинки в июне 2018 года эту тему не затрагивали.

Эти претензии абсурдны и США их так и не доказали, а наши претензии – реальны:

- производство и реальное испытание в качестве ракет-мишеней БР с характеристиками РСМД;
- развертывание БРПЛ с характеристиками РСМД;
- развертывание комплексов ПРО «Иджис Эшор» в Румынии, а в перспективе и в Польше;
- оснащение ЛА РСМД.

Россия в феврале 2018 года выполнила обязательства по сокращению СНВ в соответствии с ДСНВ от 2010 года, однако высказала озабоченность в отношении численности развернутых и не развернутых носителей. До 2021 года будет реализовываться контроль над соблюдением договора, но решения о будущих сокращениях нужно принимать уже сегодня, хотя стремления к этому у США не видно.

Диалог по крайне важной проблематике – ПРО – после прекращения диалога США в 2014 году, больше не возобновлялся, более того, видна значительная активизация усилий США по созданию широкомасштабной и глобальной системы ПРО:

20

- количество перехватчиков GBI достигло 44, а в будущем будет 104.
- перехватчик «Стандарт 3», может создать угрозу для СЯС России.
- развертываются дополнительные системы THAAD и «Пэтриот», что, естественно, будет встречать ответную реакцию России.

В этих условиях говорить о стратегической стабильности бессмысленно: цель США заключается в разрушении стратегической стабильности.

5.–Ограничение размещения ЯО США на территории своих стран-союзников, прежде всего, по НАТО. Особенно опасно делегирование полномочий по применения нестратегического ЯО США их союзниками, которые отрабатываются, например, в ходе учений «Стедфаст Нун – 2017» в октябре 2017 года на авиабазах Бельгии и ФРГ. Следует отметить, что «совместные ядерные миссии» – прямое нарушение ДНЯО.

Необходимо добиться возвращения всего ядерного оружия на территорию США и ликвидировать созданную инфраструктуру.

Опасность, однако, многократно усиливается потому, что США планируют обратное – создание новых типов ядерных боеприпасов, включая малой мощности, и размещение их на территории своих зарубежных баз.

При этом правительства этих государств могут и не знать о наличии на их территории такого оружия.

В этой связи можно было бы инициировать ряд акций на КР и в ООН, специально направленных на запрет на размещение ЯО за рубежом.

6. – Противодействие развитию военного искусства в направлении допущения использования ядерного оружия отдельно, либо в комплексе со средствами ПРО, ВТО неядерных вооружений и стратегических неядерных вооружений.

В настоящее время становится очевидным, что эволюция военного искусства в США развивается именно в этом направлении.

При этом активизируется критика военной доктрины и стратегии России, которой приписывается изменение характера использования ЯО с точки зрения его допустимости и даже желательности, хотя оно формулируется предельно точно: в случае использования против России и его союзников ЯО, либо когда применение военной силы угрожает самому существованию государства.

В этой связи можно было бы вернуться к опыту СССР, когда предпринимались попытки сделать вопросы военных доктрин и использования ЯО предметом обсуждения, например, в ООН, либо на крупных международных конференциях.

Актуальность этих вопросов предполагает, что Западу было бы трудно их игнорировать. Тем более, что по инициативе западных стран эта тема стала достаточно часто предметом обсуждения в прессе.

Правящие круги России теоретически могут выбрать **три альтернативных стратегии поведения в области укрепления стратегического сдерживания на 2018–2020 годы**, учитывая, что в 2014–2018 годы уже сложилась некая практика и инерция поведения, которая задавала некую инерцию и даже традицию поведения:

1. Стратегия №1.

Продолжить «Стратегическое отступление», которое имеет смысл только в том случае, если потом, позже, выигрыш во времени будет капитализирован в некие преимущества. Пока что говорить об этом не приходится: мы продолжаем сохранять отставание от стран западной коалиции.

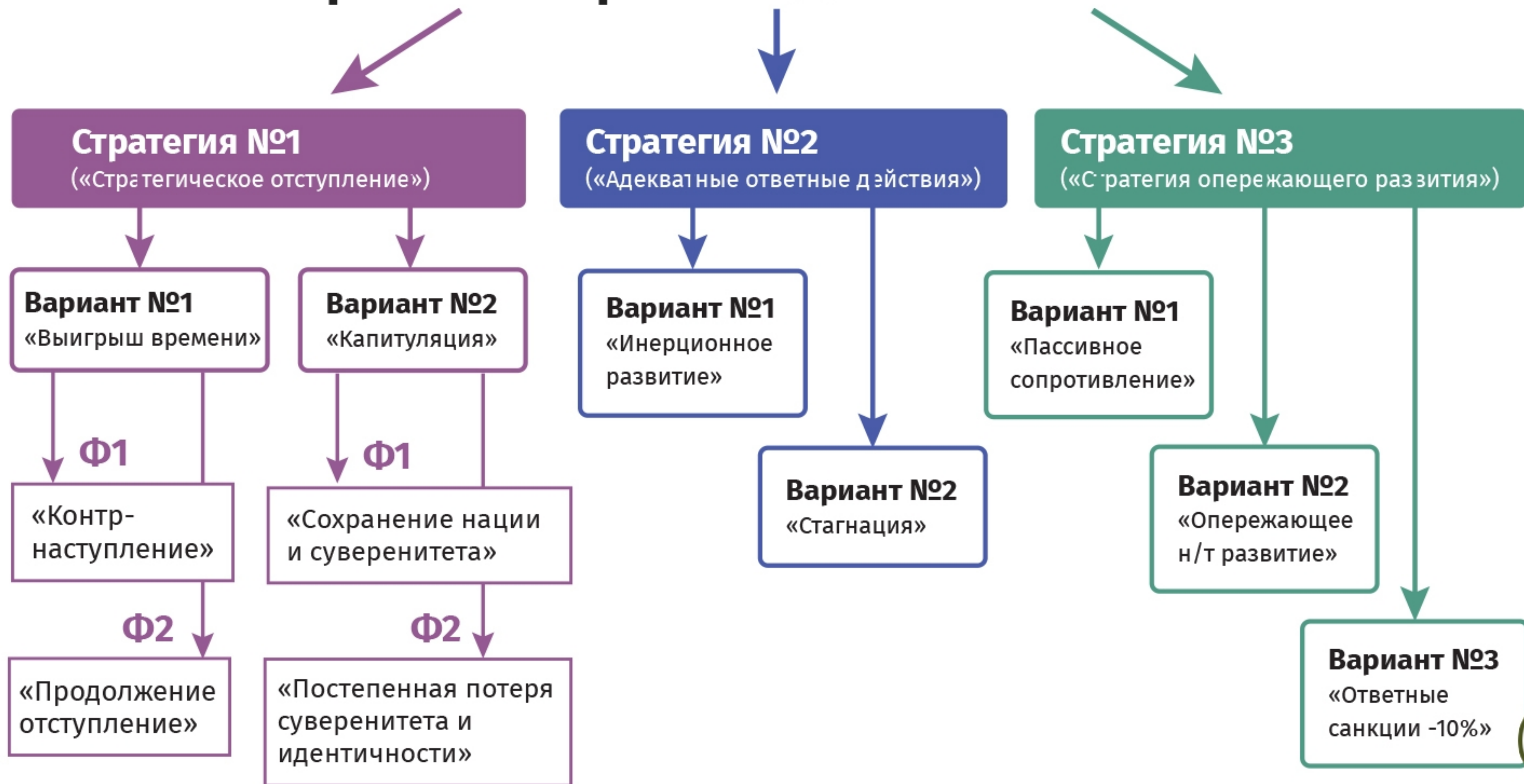
2. Стратегия №2.

Попытаться использовать «адекватные (симметричные) ответные действия, которые очень слабо повлияют на политику «силового принуждения», переводя окончательно отношения с Западом в состояние прямой военно-силовой конфронтации.

3. Стратегия №3.

«Стратегия опережающего развития», предполагающая концентрацию всех ресурсов на развитии НЧК, технологий и общества.

Стратегия противодействия России

ВЫВОДЫ:

Третья Мировая (цивилизационная) война неизбежно будет расширяться по пространственному охвату и втягивать в свою воронку все больше государств, институтов и ресурсов. Её военно-силовая составляющая будет нарастать и, вероятнее всего, приведет к полномасштабной войне сразу на нескольких ТВД, а, может быть, и глобальному конфликту. Крайне маловероятно, что развитие ВПО, как в предыдущие десятилетия, сохранится даже на ближайшие годы, хотя и сегодня в мире одновременно «сосуществуют» более 50 – внешних и внутренних – военных конфликтов.

Характер и особенности всех этих будущих военных конфликтов до конца не известны, да и вряд ли могут быть известны вообще, – слишком стремительно развиваются ВВСТ и способы их использования, слишком динамична военно-стратегическая обстановка (СО), но уже ясно, что такое военно-силовое противоборство будет: – **с военно-политической точки зрения**, – борьбой военно-политических **коалиций**, представляющих разные локальные человеческие цивилизации, среди которых наибольшее развитие уже получила западная коалиция, аккумулирующая ресурсы более 60 государств; Россия в этой борьбе может рассчитывать на ограниченный круг союзников по ОДКБ и, возможно, некоторые другие страны;

– **со стратегической точки зрения**, – системной силовой борьбой, в которой будут использованы все средства политики – от когнитивно-информационных до стратегического оружия и оружия массового поражения;

– **с политико-цивилизационной точки зрения**, – бескомпромиссной схваткой, исключающей промежуточные соглашения, целью которой будет нанесение **тотального, цивилизационного, поражения** и принуждения противника к отказу от своей идентичности и суверенитета, навязыванию своих норм и правил.

Поражение может быть только полным и окончательным, а договорённости — бессмысленны потому, что они нужны только как инструмент победы.

– **с военно-технической точки зрения**, – будут использованы все имеющиеся виды и системы оружия и военной техники, как конвенциональные, так и ОМУ, причем имеющийся опыт говорит в пользу того, что военные действия будут носить **длительный характер**, который потребует значительных запасов ВВСТ и боеприпасов.

СПАСИБО

Подберезкин Алексей Иванович

www.eurasian-defence.ru

andrakup@yandex.ru

+7 (495) 434-85-34

ЦВПИ © 2018.